

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75>

Оригинальная научная статья

Этнолингвистическое описание некоторых диалектных наименований медведя в якутском языке

Н. В. Малышева¹ , Д. Канг²

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Якутск, Российская Федерация

²Университет иностранных языков Хангук, Сеул, Южная Корея
 ninel_malysheva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению диалектных наименований медведя, занимающего центральное место в культуре якутов, с точки зрения словообразовательного аспекта. Анализу подлежат более 140 разнообразных якутских наименований медведя, зафиксированных из различных лексикографических источников и собранных в рамках научных экспедиций, начиная с 2017 года, с привлечением более 100 информантов, знатоков и хранителей традиционной культуры коренных и малочисленных народов Якутии. В научный оборот введено значительное количество ранее не опубликованных ценных материалов. Исследование названий диких животных, являющихся источником сведений об исторических и культурных связях носителей языка, приобретает все большую актуальность в настоящее время, когда происходит стирание социальных, духовно-нравственных и культурных границ в эпоху глобализации, цифрового развития и технологического прогресса. Так, в ходе анализа установлено, что в основе многих диалектных наименований медведя лежит несколько групп мотивационных признаков: внешние признаки – окрас, форма, особенности морфологического строения; поведенческие признаки – манера передвижения, повадки, места обитания; антропоморфизм – термины родства, титульные лексемы и очеловечивание. Краткий этимологический анализ показывает, что в наименованиях медведя и традиционной культуре народов Сибири, Севера и Дальнего Востока культ медведя имеет тотемическую и промысловую основу, и традиционно связан с представлением о нем как о божестве, предке и человеке. Универсальным для многих народов России является и общее представление образа медведя как к почтенному старцу.

Ключевые слова: названия медведя, диалектные названия медведя, якутские зоонимы, мотивационные признаки номинации зоонимов, культ медведя

© Малышева Н. В., Канг Д., 2025

у якутов, русизмы, тунгусизмы, способы номинации медведя, якутская лексика животного мира

Финансирование. Работа выполнена в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616)

Для цитирования: Малышева Н.В., Канг Д. Этнолингвистическое описание некоторых диалектных наименований медведя в якутском языке. *Арктика XXI век.* 2025;(1):54–75. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75>

Original article

Ethnolinguistic description of some dialect names of bear in the Yakut language

Ninel V. Malysheva¹ , Ducksoo Kang²

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

²Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, South Korea

 ninel_malysheva@mail.ru

Abstract

The article studies dialect names of the bear in the Sakha language in terms of word-formation. We analyze more than 140 different Sakha names of the bear collected from various lexicographic sources and from more than 100 native speakers, experts and keepers of the traditional culture of the indigenous and small peoples of Yakutia which were recorded during scientific expeditions since 2017. A significant amount of valuable linguistic material is introduced and analyzed for the first time. The study shows that many dialect names of the bear are based on several groups of motivational features: external – color, shape, other characteristics of the body; behavioral – manner of movement, habits, habitat; anthropomorphism – kinship terms, title lexemes and humanization. A brief etymological analysis shows that in the bear names and the traditional culture of the peoples of Siberia, the North and the Far East, the cult of the bear has a totemic and commercial basis and is traditionally associated with the idea of him as a deity, an ancestor, and a person. The general idea of the bear as a venerable elder is universal for many peoples of Russia.

Keywords: bear names, dialect names of bears, Sakha zoonyms, motivational features in naming zoonyms, cult of the bear among the Sakha, loanwords from Russian, loanwords from tungusic languages, means of naming the bear, Yakut vocabulary of the animal world

Funding. The research was funded by the grant № 075-15-2021-616 from the Government of the Russian Federation for the project “Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation”

For citation: Malysheva N.V., Kang D. Ethnolinguistic description of some dialect names of bear in the Yakut language. *Arctic XXI Century*. 2025;(1):54–75 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75>

Введение

Представители фауны всегда играли значительную роль в жизни многих народов, сопровождая человека с древнейших времен на протяжении всей его жизни. Древнейшая форма мышления, основанная на вере в одушевление Природы и в существование у явлений природы своих духов, отражается и в зоонимической лексике языка. Зоонимический фонд связан с этноментальностью, историей и этнографией носителей языка, поскольку внешний мир и его внутреннее осмысление служат факторами, формирующими языковую картину мира национального языка, в которой природное окружение выступает одной из составляющих [1].

Названия диких животных всегда вызывают большой интерес с точки зрения их происхождения и словообразовательной структуры, поскольку именно дикие животные окружают носителей языка в процессе их проживания и передвижения из одной территориальной точки в другую и выступают основным источником пищи. Охота у якутов существовала с древнейших времен и была одной из важных подсобных отраслей хозяйства. Об этом свидетельствуют наскальные изображения с руноподобными компонентами с изображением сцен охоты, которые принадлежат курыканам – тюркоязычным предкам якутов. Поэтому зоонимы представляются интересным объектом исследования: с одной стороны, через этимологическую характеристику зоонимов можно попытаться рассмотреть языковые контакты носителей языка; с другой стороны, через мотивационные признаки номинации диких животных можно рассмотреть особое видение, мировоззрение и отношение носителей языка к природному окружению. Исследование названий диких животных, являющихся источником сведений об исторических и культурных связях носителей языка, приобретает все большую актуальность в настоящее время, когда происходит стирание социальных, духовно-нравственных и культурных границ в эпоху глобализации, цифрового развития и технологического прогресса.

В условиях интенсивного развития северных территорий, стремительной глобализации и урбанизации наблюдается разрушение языковой среды. Происходит постоянное размывание диалектов языков народов РФ, которые сами по себе не находятся под угрозой, но потеря диалектов грозит существенной утерей информации о функционировании этих языков и естественных источников для обогащения и развития литературных языков. Под угрозой уничтожения находятся и диалектная лексика якутского языка, требующая своевременной фиксации, документации, введения в научный оборот, и реальное языковое потребление. В ближайшем будущем ожидается исчезновение локальных говоров и диалектов якутского языка, вслед за ними есть вероятность вымирания языка народа саха. Согласно С.А. Иванову, специалисту в области якутской диалектологии, особого внимания в этом отношении требует изучение диалектов якутского языка в лексикологическом аспекте.

Различия в природных условиях, хозяйственном освоении территорий и эволюции этноса позволили сформировать уникальную диалектную лексику якутского языка. Особого внимания требует исследование диалектных наименований животных, имеющих многообразное семантическое содержание, многовековое историческое развитие, которое чрезвычайно информативно: в ней отражены результаты всей познавательной деятельности, культурно-эстетического и духовного развития носителей якутского языка, а также итоги практического освоения ими экстремальных климатических условий Севера.

Согласно В.М. Назаретян, зоонимы – один из самых древних пластов лексики во всех языках мира [2]. Зоонимическая лексика якутского языка представляет отдельный интерес как для лингвистов, так и для этнографов, антропологов и зоологов. Якуты – самый северный скотоводческий народ с особым хозяйственным укладом, живущий в течение веков в окружении аборигенов – оленеводов, охотников и рыболовов тайги и тундры Северо-Востока Азии [3]. Природно-климатические условия и ландшафт Якутии обусловили хозяйственный уклад жизни якутов и образ жизни якутского народа, в жизнедеятельности которого ключевую роль играют скотоводство, охота, рыболовство и оленеводство. Все это позволило сформировать в якутском языке богатую и своеобразную зоонимическую лексику. Особенностью якутских зоонимов является исключительно развитая табуированная лексика, непосредственно связанная с ранними верованиями и культами якутов. Тайная иносказательная речь, полная всяческих условностей, была присуща прежде всего охотникам-промысловикам и дорожным людям [4].

Якуты, самый северный в мире тюркский народ, в большой степени сохраняют традиционные способы хозяйствования в сложных климатических и географических условиях и в силу этого тесно связаны с природой, миром растений и животных. Несмотря на это, на сегодня лексика живой природы якутского языка остается малоизученной. Одной из первых работ, поставивших задачу более широкого изучения животного и растительного мира бассейна р. Лена от г. Якутска до устья р. Вилюй и бассейна р. Вилюй, была работа Р.К. Маака «Вилюйский округ Якутской области» (1886). Представляет интерес документация названий якутских животных в [5]. Она подробно рассмотрена в работе [6]. Большой вклад в изучение зоонимической лексики якутского языка внес Н.К. Антонов. Исследование словообразовательной системы и происхождения терминов рыболовства и названий рыб, терминов по коневодству, скотоводству, оленеводству отражено в его работе «Материалы по исторической лексике якутского языка». Данный фундаментальный труд, по мнению академика А.П. Окладникова, вносит существенный вклад в якутское языкознание и вообще в изучение тюркских языков и истории якутского народа [7]. Другим значимым достижением в области изучения якутской зоонимии представляется работа немецкого лингвиста И. Хауэншильда «Словарь якутских названий животных» (2008). Основу собранного материала составляют лексикографические источники: а) трехтомный словарь якутского языка Э.К. Пекарского; б) данные, взятые из экспедиционных материалов П.С. Палласа, который в 1768–1774 гг. проводил полевые работы по губерниям Российской Империи; в) якутско-немецкий словарь О.Н. Бетлингга (1851); г) якутско-русский словарь (1972); д) диалектологический словарь якутского языка (1976); е) долганский словарь М. Стаховского (1993); ж) толковый словарь якутского языка (2006) и зоологический справочник (1971). Словарь состоит из зоонимов, приведенных в латинской транслитерации, расположенных в алфавитном порядке с немецким переводом и латинским определением, а также с соответствующими лингвистическими свидетельствами. Диалектные единицы указаны с местом их бытования, в сносках даются ссылки на лексические параллели из других языков и диалектов.

Безусловно, важное место в изучении животного мира Якутии с точки зрения лингвистического, историко-культурного, этнографического аспектов занимают такие работы основоположника якутской литературы, просветителя, философа-гуманиста А.Е. Кулаковского, как «Виды животных и растительных царств, известные якутам», «Тотемические животные, священные понятия и вещи» и «Легенды о животных,

основанные на поверьях», опубликованные в 1929 г. в выпуске «Известий Якутского отдела государственного географического общества» и в 1979 году в собрании его трудов [8]. Представленные материалы по зоонимической и фитонимической лексике якутского языка были собраны ученым «в течение всей его скитальческой жизни в Якутии» [9, с. 415], систематизированы по классам, отрядам и семействам, а для общеизвестных и наиболее употребительных зоонимов и фитонимов была указана область их функционирования. Обработав большой объем сведений по видам растений и животных, известных якутам, на якутском, русском и латинском языках, ученый собрал богатейший материал и тем самым заложил основы якутской терминологии биологических систем и положил начало классификации животных и растений, встречающихся на территории Якутии. Выясняя особенности и общие признаки каждого вида, он поставил ряд проблем биогеографического и экологического направления [10]. Примечательно и то, что при описании тотемических животных основоположник якутской литературы, ученый, философ, писатель А.Е. Кулаковский приводит примеры из ритуально-обрядовых мероприятий, в которых участвуют животные. Доктор биологических наук, ведущий специалист в области зоологии позвоночных животных Якутии И.И. Мордосов в своей статье «Кулаковский А.Е. – основоположник биологических исследований в Якутии» отмечает его вклад в биологическую науку: Кулаковский впервые собрал и опубликовал якутские фитонимы и зоонимы, дал описание местам произрастания и обитания многих видов растений и животных Якутии [11]. Большой интерес в работах ученого, по мнению И.И. Мордосова, представляют якутские названия некоторых видов растений и животных, их морфологическое описание и описание мест сбора. Сравнительный анализ наблюдений Кулаковского, датирующихся концом XIX в., с данными по современным видам и ареалам их распространения показывает, что ареалы отдельных видов растений и животных смещены и видоизменены под воздействием различных факторов.

Исследователи Сибири и Дальнего Востока – Р.К. Маак, Н.А. Виташевский, В.М. Ионов, В.Ф. Трошанский, И.А. Худяков, В.Л. Серошевский в своих научных трудах отмечали широкое распространение в Якутии словаря охотников и дорожных людей, среди которого значимое место занимали различные наименования медведя. Возможно, это связано с тем, что «в традиционной охотничьей культуре якутов – народа самых северных тюрков Сибири – знаковую роль по степени сакральности и социального статуса занимают ритуалы, связанные с медведем» [12, с. 320]. Г.М. Василевич, И.А. Худяков, В.М. Ионов, А.Е. Кулаковский,

В.Л. Серошевский, М.В. Ядринцев, Н.А. Алексеев, Л.С. Ефимова, В.В. Илларионов, К.Д. Уткин, И.С. Цыренова, А.Н. Прокопьева в своих работах рассматривали культ медведя – могучего обитателя всей таежно-тундровой и горно-таежной полосы Сибири.

В древности каждый якутский род имел своего предка-животного, к которым относятся – орел, ястреб, сокол, лебедь, ворон, волк, медведь. Убивать своего предка-животного считалось огромным грехом, после чего убившего или его род настигало проклятие, несчастье. Еще одной причиной возникновения табуированной лексики предполагается охота – охотники верили, что, если называть животное своим именем, оно обязательно услышит и убежит, или нападет на охотника. Поэтому у якутов была прямая необходимость называть животное какими-то иными способами. Исходя из этого можно предположить о том, что, если животное имеет несколько названий и чем больше их, тем он был почитаемым для якутов. Наибольшее количество народных наименований животного обнаружено у таких животных, которые являются тотемными и объектами охоты: лось имеет более 100 различных наименований, дикий северный олень – около 40, волк – более 30 наименований. Однако больше всего наименований в якутском языке имеет медведь – на данный момент обнаружено около 140 самых разнообразных названий медведя.

На территории Якутии обитают бурый медведь (*эһэ*) и белый медведь (*үрүҥ эһэ*). Бурый медведь (*Ursus arctos*) населяет различные ландшафты лесной зоны, но преимущественно обитает в долинах и поймах таежных и смешанных лесов Северо-Восточной и Западной Якутии. От белого медведя отличается бурой окраской и меньшими размерами. Белый медведь (*Ursus maritimus*) является обитателем арктических морей, островов Ледовитого океана [13].

В традиционной культуре якутов медведь, как тотемное животное, занимает центральное место. Практически во всех диалектах якутского языка медведя не называют напрямую, так как с ним связан целый культ, существуют многочисленные мифы, предания и рассказы сакрального значения, обросшие сводами правил и запретами по обращению к этому животному. В связи с этим в якутском языке были введены табу и появились эвфемистические выражения. В.Л. Серошевский в работе «Якуты» большое внимание уделяет медведю и описывает его следующим образом: «из всех этих зверей большой черный медведь, очень свирепый и кровожадный, произвел самое сильное впечатление на якутов. Они его считают «царем рощ и лесов» (*оюр тоён, тыэ тоён, тыэ талы тоён*)». Он относит медведя к числу «волшебных»: «медведь умен, как человек, даже умнее: он все может, все знает и понимает, и если не говорит,

то только потому, что не хочет», «медведь вовсе не зверь, а колдун», «из всех зверей большой черный медведь, очень свирепый и кровожадный, произвел самое сильное впечатление на якутов... его считают «царем рош и лесов» [14, с. 634].

Этнограф и фольклорист В.М. Ионов во время ссылки в Якутии собрал мелкие заметки, касающиеся культа медведя и написал работу «Медведь по воззрениям якутов» [15]. В своих записках В.М. Ионов отмечает, что «никогда не следует дурно говорить о медведе: он все слышит, что о нем говорят, где бы он ни находился». Медведь способен видеть сны и во сне узнавать, кто дурно и нем говорит. Некоторые считают, что он способен видеть сны и узнавать таким образом, что о нем говорят, только зимой, во время спячки; а летом же можно о нем говорить, как угодно [15, с. 52].

Почтение и благоговение перед медведем ярко выражены в лексическом фонде якутского языка и представлены около 140 различными наименованиями, зафиксированными из различных лексикографических источников и собранными в рамках полевых выездов по районам Якутии с 2017 по настоящее время. География полевых исследований охватывает 11 улусов республики: Среднеколымский, Анабарский, Верхоянский, Оленекский, Оймяконский, Чурапчинский, Мегино-Кангаласский, Хангаласский, Намский, Олекминский, Кобяйский районы Якутии, привлечены более 100 информантов, знатоков и хранителей традиционной культуры коренных и малочисленных народов Якутии. Таким образом, в научный оборот введено значительное количество ранее не опубликованных ценных материалов. На основе собранного материала создана база данных словообразовательного определителя номинаций медведя в якутском языке с получением свидетельства о регистрации Федерального института промышленной собственности (№ 2021621181 от 02.06.2021).

В нашем материале «косолапый» (медведь) именуется более 130 различными наименованиями, представляющими лексемы эвфемистического и диалектного характеров. Согласно А.М. Щербаку, у тюрков Сибири и особенно у якутов с медведями связаны разные запреты (табу), в результате которого собственное наименование медведя оказалось утраченным, а взамен появилось большое число эвфемизмов [16, с. 130]. Необходимо отметить о существовании культа медведя у якутов, «так как их жизненно важные интересы не только соприкасаются, но и сталикиваются, хотя и редко, в самом жестоком виде». Со слов старожил и из этнографических материалов можно проследить о наличии «разного рода сакральных рассказов и легенд о медведе, в связи с которыми были

введены табуистические запреты, повлекшие за собой образованию эвфемистических выражений» [17, с. 223]. Наибольшее количество различных наименований наблюдается в номинации медведя (128): *аабый, абаҕа, аҕы, адьырҕа, адьырҕа бэрдэ, амаа киһи, амаакаа, анаҕастаах, аныгас, арбаҕас, арбаҕастаах, арбаҕастаах кыыл, арҕахтаах, арҕахтаах оҕонньор, аһаҕастаах эһэ, аһынас, аһынастаах, аһынас, аһынастаах, баатыска, баҕыһах, бачаах, дьаныһах, дьырдыа, кини, киэҕи, киэҕэ, куохтула, кырдыаҕас, кычыкы, кычыкыл, кычытар эһэ, маамыкаан, маатыс, маҕан эһэ, манныкаан, маппыйар, миискэ, моҕус, мөлбөр, мөлбүөт, мөөмө, мөөмүсэ, мөөмүчэ, мөөмүчэк, мөөмүчэкэ, мөппөөкөөн, мэлбэр, мэппэ, мэппээкээн, мэппээлэ, мэппээһэй, мээмиһэ, мээмэ, мээмэчэ, мөлбөр, наадьы, накайбан, накита, накыйбан, накыта, наргыча, ньаадьы, оҕонньор, ойууроҕонньоро, ойуур оҕуһа, ойуурдааҕы, оһокоон, өбүгэ, өһө, сир кыыла, сырҕан, талкы, таппыһа, таптыгыһын, тииһэ, тойокуй, тойон, туул, туула, тыа кинээһэ, тыа кырдыаҕаһа, тыа кыыла, тыа оҕонньоро, тыа тойоно, тыатааҕы, тыатааны, тыатааххый, тыатааххый, тэппиһэ, улуу кыыл, үрүҥ эһэ, үтэ, хагдан эһэ, хадаччы, хара, хара кыыл, хара сангыйах, хара сангынньах, хара тыа хардааччыта, хара эһэ, харанга түүлээх, хардааччы, хардаҕас, хоох, хох, хохтуула, чыйдаах, чыккыйаас, чыычый, ыҥай, ыһы эбэ, эбэккэ, эбэкэ, эбэкээ, эбэм, эбээкий, эбээкэ, эбээх, эгэ, эһириэс, эһэ, эһэ кыыл, эһэ оҕото, эһириэс, эчээ, эчээкэ. Через призму различных названий медведя можно проследить «традиционное представление близости «хозяина тайги» к человеку, а также почтительное отношение к нему, как к родственнику: *амаа киһи* (букв. «обыкновенный, простой человек»), *арҕахтаах оҕонньор* (букв. «лежащий в берлоге старик»), *ньаадьы* (букв. «друг, подруга»), *оҕонньор* (букв. «старик»), *өбүгэ* (букв. «родоначальник, предок»), *тыа кинээһэ* (букв. «лесной князь»), *тыа кырдыаҕаһа* (букв. «лесной старец»), *тыа оҕонньоро* (букв. «лесной старик»), *тойон* (букв. «господин»), *тойокуй* (букв. «господин»), *эбээкий* (букв. от слова эбээ «бабушка»), *тойон* (букв. «господин»), *абаҕа* «дядя (букв. «старший брат отца»), *тыа тойоно* (букв. «хозяин леса»), *баатыска* (букв. «батюшка»); *баҕыһах* (букв. «выбившийся из сил человек»), *кини* (букв. «он»); *кырдыаҕас* (букв. «старик, старец»). Русизмы, употребляемые при обозначении медведя, имели эвфемистический характер, связанный «с непониманием объектов природы и его живых существ русских слов и их значений». Польский этнограф-сибириевед В.Л. Серошевский, находившийся в Якутии 12 лет в качестве политического ссыльного, отмечает употребление якутами табуированных слов: «из всех этих зверей большой черный медведь, очень свирепый и кровожадный, произвел*

самое сильное впечатление на якутов». Они его считают «царем роц и лесов». На севере о медведе остерегаются говорить худо, даже не следует упоминать громко о его имени вслух: его имя «дед», эсе (*эһэ*), но имя это не хорошее, и зверь за него сердится, ввиду этого его зовут кок, или просто «черный», часто потихоньку зовут его «злым лесным духом», а то даже Улу-Тоёном». Это стало мотивационным признаком номинации эвфемистических наименований медведя: *тойон* «господин», *тыа тойоно* «хозяин леса», *тыа кинээһэ* «князь леса». Существует масса легенд, преданий, рассказов, доказывающих необыкновенные, волшебные качества медведя. «Медведь – тот же черт, но самый опасный из них, это – хвостатый!» Для объяснения причины эвфемизмов В.Л. Серошевский приводит слова якута-колымчанина: «О медведе не говори худо, не хвастайся: он все слышит, хотя его близко и нет, все помнит и не прощает» [14, с. 634]. «Медведь вовсе не зверь, а колдун; ты бы посмотрел на медведя, когда с него снимут кожу: женщина, как есть женщина, грудь, ноги, все женское!» – говорил мне на Алдане старый якут-медвежатник» [14, с. 636].

Именованье медведя по окрасу

Мотивационный признак цвета является универсальным свойством практически всех материальных объектов и используется для названия окраса общего вида медведя. Согласно зоологическим источникам, окраска волосяного покрова бурого медведя в Якутии имеет большую индивидуальную изменчивость и варьирует от светло-желтой до почти черной [18, с. 22]. Поэтому для обозначения бурого медведя больше всего используется черный цвет: *хара* ‘медведь’ (букв. черный), *хара кыыл* ‘медведь’ (букв. черный зверь), Булунский, Саккырырский *хара сангыях* ‘бурый медведь’ (букв. черная доха), *хара сангыньнях* ‘бурый медведь’ (букв. черная доха), *хара эһэ* ‘бурый или черный медведь; черный медведь’ (букв. черный медведь), *хараҥа түүлээх* ‘медведь’ (букв. имеющий темный мех). Белый цвет встречается в названиях другого вида – белого медведя, имеющего однотонную белую окраску с желтым оттенком [13, с. 112]: общеупотребительное *уруҥ эһэ* (букв. белый медведь) и диалектизм северного Булунского района *мабан эһэ* ‘белый медведь’ (букв. белый медведь). В Верхоянском районе бурого медведя называют *хагдан эһэ* ‘бурый медведь, состарившийся медведь’ с цветообозначением *хагдан* ‘порыжевший, полинявший (о шерсти медведя)’.

Именованье медведя по размеру, форме и движению

В номинациях медведя чаще всего подчеркивается некая его округлость. Она передается, как правило, разнообразными образными словами, описывающими выпуклость, пухлость, вздутость, мягкость и т.п.

Например, от глаголов движения образованы наименования медведя: *мөлбөр, мэлбэр, мөлбүөт* – от семантической группы образного монгольского глагола движения *мөлбөй* ‘1) оставаться сгустком, сохраняя форму, не растекаясь по чему-л. (о густой массе); 2) иметь пышный, роскошный вид (о пушнине)’ [19, с. 313], а также лексем *мөлбөй, мөлбөөркөй, мөлбөркөй, мөлбөрөҥнөө* – в основе всех данных лексем – что-то пышное, округлое и такое же движение. Также Л.Н. Харитонов пишет, что «слово, вполне возможно, возникло в результате контаминации рус. *медведь* и якут. *мөлбөй*- ‘казаться округлым, мягким и крупным’» [20, с. 292].

Образные глаголы могут иметь значение движения, обусловленного формой и размером объекта, например: от глагола *тиһигирээ* ‘топоча, бежать быстро’ или *тиһирдээ* ‘ступать грузно, тяжело топая ногами (о полном, тяжеловесном человеке)’ образован диалектизм *тиһэх* ‘медведь’, функционирующий в речи жителей Ленского и Верхневилуйского районов. От глаголов *бабый* ‘делать движения, подобные тому, как из всех сил старается передвигать свои отяжелевшие ноги человек, выбившийся из сил’ и *бабыһын* ‘показаться медлительным и неуклюжим (например, о медведе)’ образовано Вилуйское слово *бабыһах* ‘медведь’. Диалектное название медведя *бачаах*, зафиксированное в речи жителей Верхневилуйского района, образовано от глагола *бачаахтаа* ‘ходить, двигаться с трудом поднимая ноги (например, по глубокому снегу)’.

Зоонимы *мэппээкээн, мэппээлэ, мэппээһэй, мэппэ* (Верхоянский район) могли быть образованы от образного глагола *мэппэй* ‘быть, казаться круглым, мясистым (о лице)’ [19, с. 416].

Именование медведя по особенностям морфологического строения и внешнему сходству с другим предметом

Довольно часто в зоонимах подчеркиваются те части тела, которые существенно отличаются от частей тела человека – передняя (носовая) часть у животных (у птиц – клюв, у млекопитающих – морда и т.п.) или вовсе отсутствуют – хвост, крылья, перья, шкура, рога и т.п.). Для хищных животных часто подчеркиваются острые зубы и клыки, для рыб – спинной хребет. Признак обладания какой-либо особенной частью тела с аффиксом проприетива – атрибутива со значением обладания чем-либо/кем-либо –*лаах* зачастую лежит в основе особой продуктивной модели способа образования эвфемизмов, особенно хищных или почитаемых зверей. У медведя имеются аналогичные по смыслу эвфемизмы: *анабаस्ताах* ‘медвежонок’ (букв. с клыком), *арбабаस्ताах* (букв. с шубой, шкурой), *арбабаस्ताах кыыл* (букв. зверь с шубой, шкурой), или же просто *арбабас* ‘медведь’ (букв. ветхая доха).

Путем сравнения внешнего вида медведя с другим объектом образовано 3 зоонима, в которых внешний вид медведя соотносится с **предметами быта**: *талкы* ‘медведь’ (букв. мялка для кожи), *туула* ‘медвежонок’, *туул* ‘медвежонок, только что вышедший из берлоги’ (букв. верша), *хардаҕас* ‘медведь’ (букв. полено).

Именованье медведя по повадкам и месту обитания

Якуты относились к медведю с большим почтением и уважением, внимательно следили за окружающим миром, особенно за поведением медведя. Отмечалось пищевое поведение медведя, особенно его прожорливость, которая выражается самыми различными интересными образными словами: *куохтаа* ‘жрать, лопать (шуточное)’, *монус* ‘прожорливый, ненасытный’: *куохтула* ‘медведь’ (букв. пожиратель), *мобус* ‘медведь’ (букв. прожорливый, ненасытный), *хоох* ‘медведь’ (букв. пожиратель), *хохтуула* ‘медведь’ (букв. пожиратель).

Особенности поведения медведя в целом и присущий ему характер отражаются в следующих его номинациях: *адьырба* (букв. хищный), *адьырба бэрдэ* (букв. самый хищный), *дьаныһах* (букв. настойчивый, преследующий какую-либо цель), *сырбан* (букв. свирепый, лютый). Последнее название, вероятно, связано с поверьем – считалось, что медведь – мстительное животное, которое, если его как-то обидеть, ранить или убить медвежонок, обязательно найдет обидчика и отомстит ему. В.М. Ионов отмечает, что «медведь заносчив, самолюбив и мстителен, но не зол: его можно умиловить просьбой» [15, с. 52].

Номинация по месту обитания вызвана человеческой потребностью локализации объектов окружающей среды. Особенно это касалось животных и птиц, на которых охотились, или которые представляли особую опасность. Эвфемизмы медведя *арбахтаах* (букв. с берлогой), *арбахтаах оҕонньор* (букв. дедушка с берлогой), в основе которых лежит лексема *арбах* ‘берлога’, с аффиксом обладания *-лаах*, имеет значение ‘тот, у кого есть берлога’. Из хищных животных, проживающих на территории Якутии, только медведь строит берлогу, что и является отличительным признаком медведя, послужившим мотивационным признаком номинации по месту обитания.

Медведя иногда просто называют жителем леса, который скорее имеет дополнительную коннотацию не простого обитателя, а хозяина, хранителя леса. *Тыатаабы* (*тыатаангы, тыатаахый, тыатааххый*) и *ойуурдаабы* буквально означают ‘тот, кто из леса; лесной’ – это один из самых распространенных эвфемизмов медведя в якутском языке. По модели *тыа* ‘лес’ + варьирующий второй компонент образованы многие зоонимы: *тыа кыыла* (букв. зверь тайги/леса), *тыа кырдыаҕаһа* (лесной

старец), *тыя/ойуур оҕонньоро* (букв. лесной старик), *ойуур оҕуһа* (букв. лесной бык), *сир кыыла* (букв. зверь земли), *сайынҥы* (букв. летний). Для зоонимов медведь и волк таким же мотивационным признаком по месту обитания являются хара тыа хардааччыта (*хара* ‘черный’ + *тыа* ‘лес’ + *хардааччы* ‘храбрец, удалец’ = храбрец черного леса) и *сир кыыла* (сир ‘земля, место’ + кыыл ‘зверь’ = зверь земли).

Термины родства в составе наименований медведя

Отношение якутов к медведю неоднозначно и неоднородно – одновременно с природным страхом и почитанием как божества, это животное, действительно, воспринимается как нечто родственно близкое к человеку. Ведь самой разнообразной и многочисленной группой в названиях медведя являются номинации, так или иначе связанные человеком и с терминами родства, которые насчитывают порядка 30 лексических единиц. Предполагается, что не зря самое распространенное в якутском языке название медведя *эһэ* является эвфемизмом, передающимся через фонетически видоизмененный термин родства *эһээ* ‘дедушка’.

Аналогичным способом используется эвфемизм *эбэ* (от *эбээ* ‘бабушка’) с его различными фонетическими вариантами: *эбэм*, *эбээх*, *эбэкэ*, *эбэкээ*, *эбэккэ*, *эбээкэ*, *эбээкий* и т.д. Здесь мы видим обилие уменьшительно-ласкательных форм слова *эбээ* ‘бабушка’, которые выражают даже любовь к медведю. Однако можно предположить, что данное отношение распространено в некоторых северных улусах, а именно – в Абыйском, Верхнеколымском, Среднеколымском, Оймяконском и Верхоянском районах.

Восприятие медведя как почтенного старца прослеживается и в других народах, с которыми якуты тесно контактировали и заимствовали некоторые эвфемизмы медведя. Например, диалектные названия *амаа киһи* и *амаакаа* имеют параллели с эвенк. *амаакаа* ‘медведь’ и эвен. *абага* ‘дед, дедушка’. Аллайховский вариант *киэби* и Саккырырский диалектизм *киэбэ* ‘медведь, белый медведь’ происходят от эвен. *кееуа* ‘дед (отец отца, матери)’. С русского языка заимствовано *баатыска* ‘медведь’, от рус. *батьюшка*.

Другой термин родства *абаҕа* ‘старший брат отца’, чаще всего встречающийся в зоонимах, также обозначает медведя – *абаҕа*, видимо, для выражения почтения и уважения как к старшему. Значение старости также выражается в зоонимах *оҕонньор* ‘старик’ и *кырдьаҕас* ‘старец, старый’.

Интересным является эвфемизм медведя *өбүгэ* с первоначальным значением ‘предок/предки’ используемый жителями Абыйского, Нижнеколымского, Вилуйского и Сунтарского районов. Вероятно, здесь прослеживаются признаки легенды о том, что у якутов медведь считался

первопредком. Каждый древний якутский род верил, что какое-либо животное являлось его священным предком и покровителем. Представителям этого рода запрещалось убивать свое тотемное животное и называть его по имени. У якутских эвенов медведь также имел особое сакральное значение – они считали его первопредком или состоящим с ними в кровном родстве. В целом, восприятие медведя как прародителя того или иного рода людей было довольно распространено среди народов Сибири [21].

Культ медведя и в целом отношение к нему как к старшему члену семьи был общим для всех групп якутов, а также и соседних народов – эвенов, эвенков, юкагиров и других. Возможно, именно этим объясняется обилие наименований медведя терминами родства.

Титульные лексемы в составе наименований медведя, очеловечивание медведя

Медведь представляется якутам самым грозным жителем тайги, по этому праву он считается хозяином леса. Об этом свидетельствуют титульные лексемы *кинээс* (от рус. князь) и *тойон* ‘господин, хозяин’, встречающиеся в зоонимах медведя: *тыя кинээһэ* (букв. князь тайги), *тыя тойоно* (букв. хозяин тайги), *тойон* ‘господин’, *тойокуй* (букв. господствуй); воспевается величество грозно-почтенного зверя в выражении *улуу кыыл* ‘великий зверь’. В основе следующих зоонимов Сунтарского района *маамыкаан* и Олекминского *манныкаан* лежит лексема *маамык* ‘старинное название старосты или князя до введения названия «князец». Данные эвфемизмы подчеркивают силу и величие медведя, указывают на особенности его образа жизни, а также описывают его внешний вид.

А.Е. Кулаковский приписывает медведю сверхъестественные качества: «если убить медведя, не разбудивши предварительно от зимней спячки, то за него мстят другие медведи, нападая на спящего охотника, убившего ранее также спящего медведя» [8, с. 54]. Именно поэтому по сей день охотники, остерегаясь такой мести, непременно будят медведя, лежащего в берлоге, и только после этого вступают с ним в бой.

Как было видно ранее в целом в названиях медведя прослеживается антропоморфизм – медведь воспринимается человеком, например, в эвфемизмах *кени* (букв. он) или *амаа киһи* (букв. дед-человек). Медведь также наделяется некоторыми человеческими качествами. Так, например, в зоонимах *хардааччы* (букв. удалой) и *хара тыя хардааччыта* (букв. храбрец, удалец темного леса). По преданиям многих народов Урала, Сибири, Севера и Дальнего Востока, медведь был человеком и, по сути, является оборотнем, человеко-медведем.

Обозначения медведицы с медвежонком

Считается, что в прошлом медведь был женщиной. В якутском фольклоре существует легенда о превращении беременной женщины, родившей двух медвежат, в первую медведицу. Согласно В.М. Ионову, «оҕо – дитя, детеныш, и это слово употребляется по отношению ко всему животному, но по отношению к медведю, раз речь идет о каком-нибудь определенном медведе или медвежонке, употребляется слово *аһынас*, обозначающего детеныша, особенно медвежонка: *аһынастаах эһэ* (медведь с медвежонком), *эһэ аһынаһа* (медвежонок)» [15, с. 51]. Слово *аһынас* обозначает детеныша, особенно медвежонка. Из проанализированных зоонимов только у медведя обнаружено достаточно большое количество названий медведицы с медвежонком: *аһаһаһаах эһэ* ‘медведь с медвежонком’ (букв. медведь с медвежонком), *аһынастаах* ‘медведица с детенышем’ (букв. с медвежонком), *аһынастаах* ‘медвежонок; медведица с детенышем’ (букв. с медвежонком), *чыйдаах* ‘медведь’ (от *чыый*, *чы-ый* ‘медведица с медвежонком’ – ласкательное слово). Возможное объяснение этому кроется в народных преданиях и поверьях, связанных с этим животным.

Тунгусо-маньчжуризмы в якутских названиях медведя

Если рассматривать наименования медведя с точки зрения этимологии, то более 18 % зоонимов имеют параллели в языках северных народов – эвенов, эвенков, юкагиров, долган и т.д. Мотивационная модель номинаций во многом схожа с якутским – также в своих языках медведя называют дедушкой, старцем.

Рассмотрим слова *мөөмө* (Усть-Янский район), *мөөмүсэ* (Усть-Янский район), *мөөмүчэ* (Верхоянский, Усть-Янский районы), *мөөмүчэк*, *мөөмүчэкэ*, *мээмичэ* (Индигирский, Усть-Янский районы), *мээмэ* (Индигирский, Усть-Янский районы), *мээмэчэ*. Зоонимы имеют множество параллелей в других урало-алтайских и палеоазиатских языках: юк. *мэмэ* ‘медведь’ [22, с. 136], эвен. *мэмэньде* ‘медведь (одно из названий)’ [23, с. 179], нан. *мапа* ‘медведь, дед’, *мапачакан* ‘старичок’, удм. *мафа* ‘старик (уважительное), медведь (иносказательное), муж’, марий. *мафа* ‘дед, предок, уважит. обрац. дедушка’ и др. Среди якутов существует поверье, что в прошлом был женщиной, поэтому женщины при встрече с ним обнажали грудь и говорили «О, моя невестка!» [24, с. 323] – тогда медведь, узнав «родственницу» не трогал женщину. Якуты считали, что медведица, с которой содрали шкуру, поразительно походит на голую женщину [8]. Об этом также в своих записках указывает этнограф В.М. Ионов: «медведь когда-то был женщиной, и в этом легко убедиться, если снять с него шкуру и положить на спину (*иттэни уурдахха*):

он тогда имеет вид женщины (*дьахтар дьахтарынан*)). Интересным представляется и следующая записка этнографа – «на теле медведя видны женские украшения (*симэх*). Украшения, которые когда-то носила эта женщина, оставили следы и снаружи, так как на местах, где обычно носятся эти украшения, шерсть оказывается вытертой – на шее от кольца, на груди от передних украшений, в пахах от нижних украшений» [15, с. 52].

У якутских эвенов женщина считалась по отношению к медведю более близкой родственницей, чем мужчина [25]. Исходя из этого видно, что в целом отношение к медведю как к уважаемому представителю женского пола характерно для многих языков России и, соответственно, такой образ медведя присутствует в культурных многих народов.

Первый якутский ученый-лингвист С.А. Новгородов сообщил В.М. Ионову со слов живущего в Амге промышленника 4-го Хатылинского наслега Ботурусского улуса, что медведя называют еще *накайбан* [15, с. 51]. В рамках данного исследования были зафиксированы диалектные лексемы с фонетическими вариациями: *накыйбан* (Амгинском и Аллаиховском районах Якутии), *накита*, *накыта* ‘медведь’, которые были заимствованы из эвенкийского *накита* ‘медвежья шкура, медведь’ ‘медведь’ [8, с. 411]. Диалектный зооним *амаакаа* также выступает тунгусизмом в якутском языке и заимствован из эвенкийского *амаакаа* ‘медведь’. Другие названия медведя *киэби* (Аллаиховский район) и *киэбэ* (Эвено-Бытантайский район) заимствованы из эвен. *keeуа* ‘дед (отец отца, матери)’ [26, с. 368], *кяга* ‘дед, медведь’ [23, с. 161]. Указанные районы являются местами компактного проживания эвенов в Якутии и, соответственно, данные территории выступили контактными зонами, в которых произошли языковые процессы.

Русизмы в якутских названиях медведя

В течение почти четырехвекового совместного проживания якутов и русских в якутский язык вошло большое количество русизмов, отражающих влияние материальной и духовной культуры русского народа, среди которых лексика животного мира занимает особое место. В названиях животных зоонимы-русизмы демонстрируют различные культурно-исторические явления, в первую очередь – внедрение ясачного обложения и промысел пушнины. В якутский язык из русского языка заимствованы следующие наименования медведя: *миискэ* – от рус. мишка, *баатыска* «медведь» – от рус. батюшка, *таптыгыгын* «медведь» – от рус. топтыгин шутливое разговорное обозначение медведя, *баранчак* – от рус. диал. баранчук. Слово *баранчук* указано в Толковом словаре Даля

как «перм. бороноволок, парень-подросток. | Оренб. сиб. вообще ребенок, особенно в разговоре с татарскими народами» (хотя слово это и не татарское; монгольское?)) [27, с. 47]. Не исключается возможность того, что данное слово заимствовано в русском языке из другого языка, вероятно, тюркского. Истоки якутского названия медведя таптыыгын связаны с русским фольклором – известно, что в русских народных сказках медведь имеет собственное имя Михайло Топтыгин.

Заключение

Так, в основе многих диалектных наименований медведя лежит несколько групп мотивационных признаков:

- 1) внешние признаки – окрас, форма, особенности морфологического строения;
- 2) поведенческие признаки – манера передвижения, повадки, места обитания;
- 3) антропоморфизм – термины родства, титульные лексемы и очеловечивание.

Краткий этимологический обзор показывает, что в наименованиях медведя и в якутской народной традиции, как и во многих других культурах народов Урала, Сибири, Севера, Дальнего Востока, культ медведя имеет тотемическую и промысловую основу и традиционно связан с представлением о нем как о божестве, предке, человеке. Универсальным для многих народов России является и общее представление образа медведя как к почтенному старцу.

Сокращения

букв. – буквальный перевод на русский язык

рус. – русский язык

якут. – якутский язык

эвенк. – эвенкийский язык

эвен. – эвенский язык

юк. – юкагирский язык

нан. – нанайский язык

удм. – удмуртский язык

марий. – марийский язык

Литература

1. Замалетдинов Р.Р., Мухаметзянова Л.Р., Хуснутдинов Д.Х. *Татарская лингвокультурология: концепты материального мира человека*. Казань: Отечество. 2012.
2. Назаретян В.М. Фразеологические единицы с компонентом – зоонимом в русском и греческом языках. *Русский язык в современном мире: тради-*

ции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. Мат. 2-й Межд. науч. конф., г. Салоники: Изд-во Высшая школа перевода МГУ. 2011:510–516.

3. Эргис Г.У. *Очерки по якутскому фольклору*. М.: Наука. 1974.

4. Павлова И.П. *Лексическая система эвфемизмов якутского языка семантика и структура*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск. 1996.

5. Pallas P.S. *Zoographia Rosso-Asiatica, sistens omnium animalium in extenso imperio Rossico et adjacentibus maribus observatorum recensionem, domicilia, mores et descriptiones, anatomen atque icones plurimorum*. 1–3. Petropoli: Academia. 1811–1813 (на лат.).

6. Károly L. Yakut names for animals in Pallas's ZOOGRAPHIA. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2008;61(3):295–323.

7. Антонов Н.К. *Материалы по исторической лексике якутского языка*. Якутск: Якутское книжное издательство. 1971.

8. Кулаковский А.Е. *Научные труды*. Якутск. 1979.

9. Кулаковский А.Е. Виды животных и растительных царств, известные якутам. *Известия Якутского отдела государственного географического общества*. Якутск. 1929.

10. Кулаковская Р.Р. Кулаковский А.Е. – Ексекулях, писатель, ученый, гуманист. *IdİL*. 2013;9(2):22–26.

11. Мордосов И.И. Кулаковский – основоположник биологических исследований в Якутии. *Вестник Северо-Восточного федерального университета*. 2013;10(4):25–30.

12. Ефимова Л.С., Шкурко Н.С., Афанасьев Н.В. и др. Охотничья культура народа саха: человек и мир тайги. *Culture and Civilization*. 2019;9(6A): 315–327.

13. Сидоров Б.И. *Знаете ли Вы млекопитающих Якутии?: полевой определитель со справочным материалом*. Якутск. 2002.

14. Серошевский В.Л. *Якуты: опыт этнографического исследования*. Москва. 1993.

15. Ионов В.М. *Медведь по воззрениям якутов*. Петроград. 1915.

16. Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. *Историческое развитие лексики тюркских языков*. М.: Изд-во АН СССР, Институт языкознания. 1961:82–172.

17. Иванов С.А. *Лексические особенности говоров якутского языка*. Новосибирск: Наука. 2017.

18. Мордосов И.И. Бурый медведь Якутии (URSUS ARCTOS L.). *Вестник ЯГУ*. 2006;3(4):21–31.

19. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 6. Новосибирск: Наука. 2009.

20. Харитонов Л.Н. *Типы глагольной основы в якутском языке*. Москва-Ленинград. 1954.
21. Анисимов А.Ф. *Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований*. Москва-Ленинград. 1958.
22. Афанасьев П.С., Воронкин М.С., Алексеев М.П. *Диалектологический словарь якутского языка*. М.: Наука. 1976.
23. Роббек В.А., Роббек М.Е. *Эвенско-русский словарь*. Новосибирск: Наука. 2005.
24. Алексеев Н.А., Романова Е.Н., Соколова З.П. и др. *Якуты (Саха)*. Москва. 2012.
25. Туголуков В.А., Тураев В.А., Спешаковский А.Б. и др. *История и культура эвенов: историко-этнографические очерки*. Санкт-Петербург. 1997.
26. Цинциус В.И. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю*: в 2 т. Л.: Наука. 1975.
27. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. Т. 1–4. Санкт-Петербург, Москва: М.О. Вольф. 1880–1882.

References

1. Zamaletdinov RR, Mukhametzyanova LR, Khusnutdinov DKh. *Tatar linguoculturology: concepts of the human material world*. Kazan: Otechestvo. 2012 (in Russian).
2. Nazaretyan VM. Phraseological units with a component – zoonym in Russian and Greek. *Russian language in the modern world: traditions and innovations in teaching Russian as a foreign language and in translation*. Mat. 2nd Int. scientific Conf., Thessaloniki: Publishing House Higher School of Translation of Moscow State University. 2011:510–516 (in Russian).
3. Ergis GU. *Essays on Yakut folklore*. M.: Nauka. 1974 (in Russian).
4. Pavlova IP. *Lexical system of euphemisms of the Yakut language, semantics and structure. Abstract of Candidate's dissertation (Philology)*. Yakutsk. 1996 (in Russian).
5. Pallas PS. *Zoographia Rosso-Asiatica, consisting of a review of all animals observed in the extensive empire of Rosso and the adjacent seas, their habitats, habits and descriptions, anatomy and icons of many*. 1-3. Petropoli: Academia. 1811–1813 (in Latin).
6. Károly L. Yakut names for animals in Pallas's ZOOGRAPHIA. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2008;61(3):295–323.
7. Antonov NK. *Materials on the historical vocabulary of the Yakut language*. Yakutsk: Yakut book publishing house. 1971 (in Russian).
8. Kulakovskiy AE. *Scientific works*. Yakutsk. 1979 (in Russian).

9. Kulakovskiy AE. Species of animal and plant kingdoms known to the Yakuts. *News of the Yakut Department of the State Geographical Society*. Yakutsk. 1929 (in Russian).

10. Kulakovskaya RR. Kulakovskiy A.E. – Eksekyulyakh, writer, scientist, humanist. *IDİL*. 2013;9(2):22–26 (in Russian).

11. Mordosov II. Kulakovskiy is the founder of biological research in Yakutia. *Bulletin of the North-Eastern Federal University*. 2013;10(4):25-30 (in Russian).

12. Efimova LS, Shkurko NS, Afanasyev NV et. al. Hunting culture of the Sakha people: man and the world of the taiga. *Culture and Civilization*. 2019;9(6A):315–327 (in Russian).

13. Sidorov BI. *Do you know the mammals of Yakutia?: field guide with reference material*. Yakutsk. 2002 (in Russian).

14. Seroshevsky VL. *The Yakuts: experience of ethnographic research*. Moscow. 1993 (in Russian).

15. Ionov VM. *A bear according to the views of the Yakuts*. Petrograd. 1915 (in Russian).

16. Shcherbak AM. Names of domestic and wild animals in Turkic languages. *Historical development of the vocabulary of Turkic languages*. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. 1961: 82–172 (in Russian).

17. Ivanov SA. *Lexical features of dialects of the Yakut language*. Novosibirsk: Science. 2017 (in Russian).

18. Mordosov II. Brown bear of Yakutia (*URSUS ARCTOS* L.). *Vestnik YSU*. 2006;3(4):21–31 (in Russian).

19. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 6. Novosibirsk: Nauka. 2009 (in Russian).

20. Kharitonov LN. *Types of verb stems in the Yakut language*. Moscow-Leningrad. 1954 (in Russian).

21. Anisimov AF. *Evenki religion in historical and genetic study and problems of the origin of primitive beliefs*. Moscow-Leningrad, 1958 (in Russian).

22. Afanasyev PS, Voronkin MS, Alekseev MP. *Dialectological dictionary of the Yakut language*. Moscow: Nauka. 1976 (in Russian).

23. Robbek VA, Robbek ME. *Even-Russian dictionary*. Novosibirsk: Nauka. 2005 (in Russian).

24. Alekseev NA, Romanova EN, Sokolova ZP et al. *The Yakuts (Sakha)*. Moscow. 2012 (in Russian).

25. Tugolukov VA, Turaev VA, Spevakovsky AB et al. *History and culture of the Evens: historical and ethnographic essays*. St. Petersburg. 1997 (in Russian).

26. Tsintsius VI. *Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: Materials for the etymological dictionary*: in 2 volumes. Leningrad: Nauka. 1975 (in Russian).

27. Dahl VI. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: 2nd ed., corrected and multiplied according to the author's manuscript. Vol. 1–4. St. Petersburg, Moscow: M.O. Wolf. 1880–1882 (in Russian).

Об авторах

МАЛЫШЕВА Нинель Васильевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики», Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6358-4256>, WoS ResearcherID: AAF-7944-2020, Scopus Author ID: 57210373908, Elibrary AuthorID: 778328, SPIN: 3352-0996, e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

КАНГ Дуксу – Ph.D., (лингвистика) почетный профессор, Университет иностранных языков Хангук, e-mail: kangds@hufs.ac.kr

About the authors

Ninel V. MALYSHEVA – Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher, Research Laboratory «Arctic Linguistic Ecology Lab», M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6358-4256>, WoS ResearcherID: AAF-7944-2020, Scopus Author ID: 57210373908, Elibrary AuthorID: 778328, SPIN: 3352-0996, e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

Ducksoo KANG – Ph.D. (Linguistics), Professor Emeritus, Hankuk University of Foreign Studies, e-mail: kangds@hufs.ac.kr

Вклад авторов

Малышева Н.В. – разработка концепции, методология, программное обеспечение, верификация данных, проведение исследования, администрирование данных, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, визуализация

Канг Д. – разработка концепции, методология, программное обеспечение, верификация данных, проведение исследования, проведение статистического анализа, администрирование данных, редактирование рукописи, визуализация, руководство исследованием, администрирование проекта

Authors' contribution

Ninel V. Malysheva – conceptualization, methodology, software, validation, investigation, data curation, writing – original draft, writing – review & editing, visualization

Ducksoo Kang – conceptualization, methodology, software, validation, investigation, formal analysis, data curation, writing – review & editing, visualization, supervision, project administration

Конфликт интересов

Автор Малышева Нинель Васильевна является зам. главного редактора и членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

The author Ninel V. Malysheva is a deputy chief editor and a member of editorial board of the journal “Arctic XXI Century”. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article

Поступила в редакцию / Submitted 10.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 27.02.2025

Принята к публикации / Accepted 20.03.2025